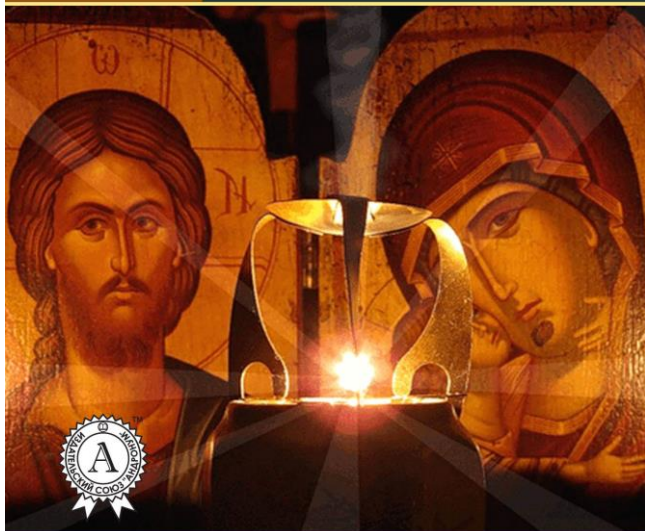

АНТОНИЙ СУРОЖСКИЙ

МОЖЕТ ЛИ ЕЩЕ
МОЛИТЬСЯ
СОВРЕМЕННЫЙ
ЧЕЛОВЕК

Митрополит Антоний Сурожский является одним из самых известных и почитаемых православных философов и проповедников. Основную часть его духовного наследия составляют проповеди. Они написаны просто и искренне, но вместе с тем в них заложен глубокий смысл и мудрость.

Антоний Сурожский по праву считается голосом Православия XX века, одним из тех, кто сумел вернуть многих российских и западных христиан к Богу.

«Может ли еще молиться современный человек?» — ценнейший и самый вдохновляющий труд Антония Сурожского. Его праведная жизнь и является ответом на этот вопрос, ведь живое общение с Богом не зависит от эпохи, а лишь от желания молящегося, его праведных и чистых намерений. Молитва — важнейшая составляющая жизни человека, которая дает ей глубину и осознанность, и современный человек не должен лишать себя радости живого общения с Богом.

Митрополит Антоний Сурожский

Может ли еще молиться современный человек?

ЖИЗНЬ И МОЛИТВА — ОДНО

Жизнь и молитва совершенно нераздельны. Жизнь без молитвы — это жизнь, в которой отсутствует важнейшее ее измерение; это жизнь «в плоскости», без глубины, жизнь в двух измерениях пространства и времени; это жизнь, довольствующаяся видимым, довольствующаяся нашим ближним, но ближним как явлением в физическом плане, ближним, в котором мы не обнаруживаем всей безмерности и вечности его судьбы. Значение молитвы состоит в том, чтобы раскрывать и утверждать самой жизнью тот факт, что все имеет меру вечности и все имеет измерение безмерности. Мир, в котором мы живем, — не безбожный мир: его профанируем мы сами, но в существе своем он вышел из рук Божиих, он любим Богом. Цена его в глазах Божиих — это жизнь и смерть Его Единородного Сына, и молитва свидетельствует, что мы знаем это, — знаем, что каждый человек и каждая вещь вокруг нас священны в очах Божиих: любимые Им, они становятся дороги и для нас. Не молиться — значит

оставлять Бога за пределами всего существующего, и не только Его, но и все, что Он значит для созданного Им мира, того мира, в котором мы живем.

Нам часто кажется, что трудно согласовать жизнь и молитву. Это заблуждение, совершеннейшее заблуждение. Происходит оно от того, что у нас ложное представление и о жизни и о молитве. Мы воображаем, будто жизнь состоит в то, чтобы суетиться, а молитва — в том, чтобы куда-то уединиться и забыть все и о ближнем и о нашем человеческом положении. И это неверно. Это клевета на жизнь и клевета на самую молитву.

Чтобы научиться молитве, надо прежде всего сделаться солидарным со всей реальностью человека, всей реальностью его судьбы и судьбы всего мира: до конца принять ее на себя. В этом — сущность акта, совершенного Богом в Воплощении. В этом вся полнота того, что мы называем предстательством. Обычно мы воспринимаем молитвенное предстательство как вежливое напоминание Богу о том, что Он забыл сделать. В действительности же оно заключается в том, чтобы сделать шаг, ставящий нас в самый центр трагической ситуации, шаг, подобный шагу Христа, Который сделался человеком раз и навсегда. Мы должны сделать шаг, который поставит нас в центр ситуации, откуда никогда больше мы не сможем

выйти; солидарность христианская, Христова направлена одновременно к двум противоположным полюсам: воплотившийся Христос, истинный человек и истинный Бог, до конца солидарен с человеком, когда человек в своем грехе обращается к Богу, и до конца солидарен с Богом, когда Он обращается к человеку. Эта двойная солидарность делает нас, в каком-то смысле, чуждыми обоим лагерям и, в то же время, едиными с обоими лагерями. В этом основа положения христианина.

Вы скажете: «Что же делать?» Так вот, молитва рождается из двух источников: либо это наше восторженное изумление перед Богом и делами Божиими: нашим ближним и окружающим нас миром, несмотря на его тени; либо это чувство трагичности — нашей и особенно чужой. Бердяев сказал: «Когда я голоден, это явление физическое; если голоден мой сосед, это явление нравственное». И вот трагичность, которая предстает перед нами в каждое мгновение: мой сосед всегда голоден; это не всегда голод по хлебу, иногда это голод по человеческому жесту, ласковому взгляду. Здесь-то и начинается молитва — в этой отзывчивости на изумительное и на трагичное. Пока есть эта отзывчивость, все легко: в восторге нам легко молиться, и легко молиться, когда нас пронзает чувство трагизма.

Ну, а в другое время? Так вот, и в другое время молитва и жизнь должны быть одно. У меня нет времени говорить об этом много, но я хотел бы просто сказать вот что: встаньте утром, поставьте себя перед Богом и скажите: «Господи, благослови меня и благослови этот начинающийся день», а потом относитесь ко всему этому дню как к дару Божию и смотрите на себя как на посланца Божия в этом неизвестном, что представляет собой начинающийся день. Это означает попросту нечто очень трудное, а именно: что бы ни случилось за этот день — ничто не чуждо воле Божией; все без исключения — обстоятельства, в которые Господь вас пожелал поставить, чтобы вы были Его присутствием, Его любовью, Его состраданием, Его творческим разумом, Его мужеством... И, кроме того, всякий раз, когда вы встречаетесь с той или иной ситуацией, вы — тот, кого Бог туда поставил, чтобы нести служение христианина, быть частицей Тела Христова и действием Божиим. Если вы будете так поступать, то легко увидите, что в каждое мгновение вам придется поворачиваться к Богу и говорить: «Господи, просвети мой ум, укрепи и направь мою волю, дай мне сердце пламенное, помоги мне!» В другие моменты вы сможете сказать: «Господи, спасибо!» И если вы разумны и умеете благодарить, вы избежите глупости, которая называется тщеславием или

гордостью, состоящей в том, что мы воображаем, будто совершили что-то, чего могли бы и не делать. Это сделал Бог. Бог подарил нам замечательную возможность сделать это. И когда вечером вы снова станете перед Богом и быстро переберете в памяти прошедший день, вы сможете восхвалять Бога, славить Его, благодарить Его, плакать о других и плакать о себе. Если вы начнете таким образом соединять жизнь с вашей молитвой, между ними никогда не будет разрыва и жизнь станет горючим, питающим в каждое мгновение огонь, который будет разгораться все больше и становиться все ярче, и преобразит постепенно вас самих в ту горящую купину, о которой говорит Писание.

МУЖЕСТВО МОЛИТЬСЯ¹

Молитва — одновременно искание Бога и встреча с Ним, которая перерастает в общение. То есть молитва является и деятельностью, и состоянием, а также определенным взаимоотношением с Богом и определенным

¹ Пер. с франц. Название оригинала «La Prière» («Молитва»). Русское название заимствовано из английской версии текста. В самиздате встречался перевод именно с этой (слегка сокращенной) версии

отношением к тварному миру. Она рождается из осознания того, что мир, в котором мы живем, не просто двухмерный мир, жестко ограниченный временем и пространством, «плоский» мир, где мы встречаем то, что нас окружает, лишь как поверхность, однообразную толщу, под которой — пустота. Молитва рождается, когда мы открываем, что мир имеет глубину, что мы не просто окружены видимым, но погружены в невидимое и пронизаны им. И это невидимое — одновременно Присутствие Божие, высшая и предельная реальность, и глубинная сущность человека. Видимое и невидимое не противостоят друг другу, но и не просто накладываются; они присутствуют одновременно, взаимопроникаясь, как огонь и раскаленное железо. Они взаимодополняются в той тайне, которую английский писатель Чарльз Уильямс называет «со-присущностью»: присутствие вечности во времени, будущего в настоящем мгновении; но также непреходящее присутствие мгновения в вечности, в эсхатологическом совпадении прошедшего, настоящего и будущего, которые содержатся одно в другом, подобно тому, как дерево содержится в семени. Жить лишь видимым — это жить поверхностно, не замечая или отстраняя не только Бога, но и глубины тварного мира. Такая поверхностная жизнь обрекает нас и в видимом

мире замечать лишь то внешнее, на чем останавливается наш взор. Если пытаться проникнуть дальше, то мы обнаруживаем отсутствие содержания; в конечном итоге, в сердцевине вещей мы достигаем точки равновесия, конечной, никуда не ведущей точки. За пределом этой сердцевины нет ничего; внутри геометрического объема нет глубины. Это последний предел. Мир внешних форм может расширяться, но не способен углубляться. Однако *сердце человека глубоко* (Пс. 63: 7). Когда мы достигаем той точки, откуда ключом бьет жизнь, мы обнаруживаем, что источник ее — еще глубже. В сердце человека есть глубина, которая открывается на невидимое, — не на невидимое глубинной психологии, а на бесконечность, на творческое Слово Божие, на Самого Бога. Войти в себя не означает погрузиться, подобно интроверту, в собственные глубины, а выйти за пределы своей ограниченности. Святой Иоанн Златоуст говорит: «Найди двери собственного сердца, и ты увидишь, что это дверь в Царство Небесное». Это обнаружение своего глубинного «я» происходит одновременно с признанием того, что и другой человек, каждый, кто рядом с нами, также имеет свою неизмеримую глубину безмерности и вечности. Я сознательно употребляю слово «безмерность»: оно указывает, что глубину эту

нельзя измерить — не потому что на это не хватит наших мерок, а потому что ее сущности чуждо самое понятие измеримости. Эта глубина соразмерна призыванию человека стать *причастником Божественной природы*; обнаруживая собственную глубину, человек тем самым открывает Бога, Того, Кого можно было бы назвать «незримым Ближним»: Он — Дух, Христос, Отец. А в окружающем нас мире предметов и живых тварей мы обнаруживаем то, что, наряду с человеческими глубинами, принадлежит безмерности и вечности. На этой грани и устанавливается молитвенное отношение: признание, что мир имеет три измерения, — он расширяется в пространстве, течет во времени и обладает устойчивой, но вместе с тем бесконечно изменчивой глубиной.

Следовательно, молитва — отношение, которое устанавливается между человеком, между видимым и лежащим в его основе невидимым — целым глубинным миром, который включает все существующее, /перед лицом ситуации, где живет и действует человек/. Вот почему я сказал, что молитва — искание, исследование этой области невидимого и мира наших собственных глубин, который ведом одному только Богу, который только Он и может нам открыть. И через молитву, сначала на ощупь, в проблесках нового ви дения,

мы ищем и открываем Бога и человека в их взаимосвязи. Позднее, когда в ярком сиянии света нам открывается то, что мы способны познать о невидимом и о преображенном видимом, которое стало светоносным, просияло собственной безмерностью и вечностью в Боге, молитва становится состоянием, хотя не перестает быть тем, о чем я говорил в начале. В мире поиска, частичной слепоты и частичного прозрения, наши первые шаги в молитве состоят из восторженного изумления, благоговейного трепета и чувства трагичности. Изумления, когда мы открываем себя самих, познаем Бога, изумления при виде того, как мир разворачивается перед нашим взором до пределов Божественной бесконечности. Благоговейный трепет, внезапное озарение, охватывающее нас радостью и ужасом, когда мы оказываемся в присутствии святости и красоты Божией. Но также и чувство трагичности — нашей личной и всеобщей: трагично быть слепым, трагична наша неспособность непреткновенно жить в полноту своего призвания, все время ощущать себя пленником своей ограниченности, ослепления. Трагично видеть мир сбившимся с пути, без-божным, колеблющимся между жизнью и смертью и неспособным выбрать раз и навсегда жизнь, раз и навсегда уйти от смерти. Восторженное изумление и чувство трагичности —

вот два источника молитвы. Оба они рождаются из нашей встречи с глубинами мира, которые стали прозрачными, до конца проницаемыми. Без этой встречи мир предметов, мир стихийно бушующих сил, непонятный и часто уродливый мир, в котором мы живем, может породить в нас страх, недоумение, ужас.

Итак, в сердцевине того основного взаимоотношения, которое мы называем молитвой, — тема встречи. Эта тема — основоположная категория откровения; ведь само откровение есть та встреча с Богом, которая дает новое видение мира. Всё — встреча, как в Священном Писании, так и в жизни. Эта встреча одновременно личная и универсальная, единственная и показательная. Она всегда двойственна: встреча с Богом и, в Нем, со всем творением; встреча с человеком, с глубинами человека, укорененного в творческой воле Божией, устремленного к последнему завершению, когда *Бог будет все во всем*. Это встреча личная, потому что каждый должен пережить ее сам: ее невозможно познать извне или понаслышке. Она принадлежит нам лично; но вместе с тем имеет и всеобщее значение, потому что в ней мы перерастаем свое поверхностное и ограниченное «я». Эта встреча единственная, потому что при глубококом подходе мы незаменимы и единственны

как для Бога, так и для других; каждая тварь знает Бога по-своему, каждый из нас знает Бога так, как никто другой Его никогда не познает, кроме как через нас. И одновременно, поскольку каждый из нас принадлежит всечеловеческой природе, каждая встреча показательна: она есть откровение для всех того, что каждый знает лично.

К этой встрече мы должны отнестись внимательно, потому что, если не знать ее внутренних законов, мы ее упустим. Она всегда требует взаимности. Она всегда есть откровение не только другого, но и нас самих; она происходит в рамках взаимосвязи. Можно бы сказать, что лучший образ всякой встречи — витраж. Свет, льющийся через него, являет его линии, краски, сияние, красоту, смысл; но одновременно невидимый потусторонний свет нам явлен этим витражом, его линиями, красками, красотой, смыслом. То есть открытие того и другого происходит, становится возможным во взаимоотношении света и витража. Бог открывается в Своем невозмущаемом, бесстрастном, державном величии, но и в Муже скорбей, в воплощенном Слове, и это является также откровением величия человека. Если мы обнаруживаем глубины человека, то мы, значит, превзошли эмпирического человека и признали в нем назначение, призвание не индивидуальное, но личное; такое призвание,

которое делает его не просто экземпляром человеческого рода, а членом таинственного тела, всецелым Человеком, который призван быть местом Присутствия Божия.

Тем не менее, когда человек пускается в этот поиск, в начале он одинок и должен сначала признать существование другого. Это признание должно произойти во взаимной связи, а не по отношению к себе самому; и это различие важно. Всё, что мы познаём, мы познаём во взаимоотношении; пока между нами нет связи, ничто и никто не существует для нас. Но в том, чтобы познавать вещи и людей только по отношению к себе, есть большая опасность. Такое познание смещает центр вселенной, сводит все к нам самим и тем самым искажает объекты познания, представляет их мелкими, мелочными, столь же незначительными, каковы мы сами, каковы наши желания, стремления. И значит, когда мы беремся за дело и готовы признать существование другого, мы должны быть готовы войти во взаимоотношение, которое неизбежно будет раздирающе мучительно, оно потребует от нас перерасти себя, отказаться от себя, умереть себе в результате того, что мы открыли другого со всеми его требованиями, его правом на существование, на независимость, на свободу вне нас. Мы должны признать неумолимую «инаковость» другого. Что

бы мы ни делали, как бы глубоко мы его ни знали, как бы тесна ни была связывающая нас приобщенность (и это еще более верно во взаимоотношениях человека с Богом, чем с другим человеком), в сердцевине взаимоотношения всегда останется тайна, мы никогда в нее не проникнем. В Священном Писании, в книге Откровения есть замечательное место, где святой Иоанн Богослов нам говорит, что те, кто войдет в Царство Божие, получат от Творца белый камень; и на этом камне написано имя, которое знает только Бог и тот, кто получит этот камень. Это имя — не прозвище, под которым мы себя знаем, которое отличает нас в этом тварном мире времени и пространства; наше подлинное имя, вечное имя в совершенстве совпадает с нашей личностью, с нашим существом; оно их в совершенстве определяет и выражает. Его знает только Бог, и Он нам его открывает. Никто другой не может его знать, потому что оно выражает неповторимые отношения, связывающие нас с Творцом. Как часто человеческие отношения бывают разрушены желанием одного открыться за пределами возможного или стремлением другого проникнуть в эту священную область, которая принадлежит только Богу. Желание тщетное, попытка столь же обманчивая, как попытка ребенка найти начало источника, точку, где рождается вода,

которой не было за миг до того. Обнаружить это нельзя, можно лишь разрушить эту точку.

Но недостаточно просто признать право другого на существование, принять его как неумолимо другого. Нужно уметь видеть, слышать и оценивать. Только при этих условиях встреча может пронести плоды.

Христос говорит о чистом оке, чистом зрении, которое необходимо для того, чтобы увидеть вещи, как они есть, не набрасывая на них потемнение нашего зрения или тени и неверные очертания, которые искаженный взор создает в нашем воображении. Но чистого ока недостаточно. Нужно еще найти правильную позицию. Нужно найти расстояние, откуда взгляд охватывает весь предмет и не ослеплен им. Ведь таково главное правило, которое мы должны соблюдать, если хотим увидеть произведение искусства. Картину, скульптуру нельзя рассматривать ни подойдя слишком близко, ни отступив слишком далеко. Существует некая наилучшая точка, которая позволяет нам видеть произведение таким, каким его замыслил художник, в его полноте, не утопая в деталях. То же самое касается человеческих отношений. Нужно найти расстояние, которое определяется не пространством и временем, а внутренней свободой, — такой свободой, которая нас тесно соединяет, но не связывает по рукам и ногам. Быть

может, то, что я хочу сказать, лучше пояснить на примере, чем долгими рассуждениями. В замечательной книге английского писателя Чарльза Уильямса (All Hallow's Eve) выведена молодая женщина по имени Лестер, которая погибла при авиационной катастрофе. Ее душа освободилась от тела и открывает новый мир, которого она никогда не замечала и в который только что попала: мир невидимого стал для нее единственной подлинной реальностью. А видимый мир ускользает от ее взора, от видения сердцем. В какой-то момент она оказывается на берегу Темзы. Она видела реку много раз, видела ее воду — грязную, жирную, отяжелевшую всеми отбросами Лондона, и эта вода вызывала в ней отвращение. Но теперь она освободилась от тела и больше не связывает все на свете лично с собой, и она **видит** воды Темзы как бы впервые. Она видит их как нечто, вполне отвечающее тому, чем они должны быть, чем должна быть река, проходящая через большой город. Да, эти воды густые, грязные, они несут к морю все отбросы города. Но такими они и должны быть, они соответствуют своей роли, они подлинны. И как только она их видит как факт, принимает их полностью, как только она не реагирует на них эмоционально и не может испытывать к ним физического отвращения, поскольку у нее нет тела, которым она могла бы в

них погрузиться, нет губ, которыми могла бы этой воды напиться, она прозревает глубину этих вод. Через первый слой сгущенности она начинает различать слой за слоем более чистой воды. Чем глубже она видит, тем они становятся прозрачнее, до момента, когда где-то в сердцевине этой воды (которая казалась Лестер непроницаемой, пока она отбрасывала на нее собственную потемненность) она видит чистый ручей, видит первичную воду, какой ее сотворил Бог, и в самой ее сердцевине — сверкающую, чудесную струю — воду, которую Христос предложил самарянке. Освободившись от самой себя, Лестер стала способна видеть то, к чему она раньше была слепа. Сквозь менее плотные слои она обнаруживает все более блистательную, светоносную прозрачность.

Так бывает и с нами. Если бы мы умели видеть, освободившись от самих себя, в той внутренней свободе, которую Отцы Церкви называют *арафеia*, «бесстрастие», то есть отсутствие страстности, когда человеком не движет, не управляет ничто внешнее, и он в царственной свободе действует изнутри — мы тоже могли бы в окружающей нас плотности различать светоносные глубины людей и предметов. Мы также могли бы в этом мире, который нам кажется таким непроницаемым и густым, видеть отблеск

Присутствия Божия, благодати Его, действующей везде и во всем.

Но недостаточно видеть; надо еще и слышать. Слышание — акт неослабного внимания. Чтобы услышать, надо не только напрячь слух, но за пределом услышанных слов стремиться уловить смысл, направленность того, что было произнесено или осталось невысказанным. Слышать означает смиренно склониться, стать способным принять то, что другой сеет на поле нашего ума, на поле нашего сердца. В этом подлинный смысл латинского слова *humilitas*, смирение: оно происходит от *humus*, «плодородная земля». Эту землю мы не замечаем, потому что привыкли, что она всегда тут, под ногами. Это безмолвная, безропотная земля, которая умеет обогатиться всем, что мы выбрасываем в нее, которая способна все превратить в богатство, принять в себя любые семена и дать им плоть, дать им жизнь, позволить им взойти, стать в полноте самими собой, никогда не навязывая семенам своих законов. Наша способность слышать начинается со смирения. Мы должны предложить себя Другому, как эта земля, богатая, безмолвная и полная творческих возможностей.

Но смирение означает также и послушание. Латинское слово *obaudire* имеет два значения: «прислушиваться» и «повиноваться».

Прислушиваться с тем, чтобы услышать, понять и принести плод. Основные условия, чтобы нам предстать перед Богом — полное внимание, рождающееся из того, что мы во что бы то ни стало хотим услышать, и желание, решимость принять услышанное и принести плод, то есть преобразиться, измениться, из того, что мы есть, стать тем, чем мы призваны быть. Это основоположное состояние человека в молитве может быть проиллюстрировано на примере человека, который любит наблюдать птиц. Он встает ранним утром, так как должен успеть в поле, в лес до пробуждения птиц, чтобы его приход остался незамеченным. Он затаивается молча и без движения, он весь — слух, весь — внимание. Все его существо прозрачно и восприимчиво, готовое принять печать каждого звука, каждого движения. Он слушает, смотрит; но услышит и увидит он то, что происходит вокруг него, только при условии, что свободен от предвзятости, готов услышать все, что пошлет ему Бог. Его отношение одновременно пассивное и активное: пассивное в том смысле, что он, как земля, *humus*, до конца открыт; активное в том, что он напряженно готов отозваться на всякий вызов, любой призыв Божий. Разве не ясно, что в таком случае, если мы хотим, чтобы наша встреча с Богом стала возможной, если хотим видеть и слышать, недостаточно просто иметь уши и глаза?

В нас должен быть порыв, желание, мы должны стремиться услышать и увидеть.

А для этого нужна любовь, хотя бы малая. На первой странице той книги, которую я уже цитировал, Чарльз Уильямс показывает нам душу своей погибшей героини на одном из лондонских мостов, где ее настигла смерть. Она стоит там уже некоторое время. Она ничего не замечает вокруг, кроме самой себя, той точки земли, где стоит, и самолета, который, разбившись, убил ее. Она ничего не видит, потому что сердцем ни с чем не связана. Мост она видит пустым, хотя на самом деле по нему беспрерывно снуют толпа. Дома по обоим берегам Темзы для нее — хмурые стены с серыми глазницами; окна то освещаются, то гаснут, но ничего не значат для нее, в них нет ни смысла, ни содержания. У нее нет ключа к тому, что ее окружает, потому что она никогда ничего не любила и чужда этому обыденному миру. И вдруг по мосту проходит ее муж, теперь овдовевший. Они замечают друг друга. Он — потому что любит ее, хранит ее в сердце, оплакивает ее и ищет ее в незримом. Лестер видит его, потому что он — единственный, кого она когда-либо любила своей жалкой, эгоистичной любовью. Он — единственный, кого она способна увидеть. Она видит его. Он проходит. Но в этот миг ее сердце проснулось, и через мужа она осознает все, что с

ней связано: мужа, их дом, всех, кто им обоим нравился. И постепенно через это таинство любви она начинает меняться и открывает для себя тот мир, в котором жила, не зная его, и одновременно тот огромный, глубокий мир, в котором живет теперь. Эти два мира взаимно проникают один другой, соприисущи друг другу: вот суть философской теории Ч. Уильямса. Потому что мы видим только то, что любим. Нам кажется, будто бы видим то, что нам ненавистно; на самом деле ненависть нам представляет искаженные образы, уродливые карикатуры. А безразличие, равнодушие — слепы.

Но чтобы достичь глубинного, истинного познания, чтобы видение реальности соответствовало своему предмету, недостаточно видеть, слышать или даже любить: надо еще иметь чистое сердце, способное различить Бога за слоями окружающей потемненности, которые Его скрывают. Потому что подобно тому, как око, потерявшее чистоту, ясность, отбрасывает на все, что видит, свое потемнение, так сердце, потерявшее цельность, не может ни оценивать, ни улавливать реальность вещей, как ее видит Бог. Это ясно показывает эпизод из жизни Отцов пустыни. Один из них с учениками подходит к воротам Александрии. По дороге навстречу приближается прекрасной внешности женщина. Ученики

покрывают лица плащами/мантиями, чтобы не впасть в искушение. Они, возможно, избежали искушения плоти, но не любопытства: из-под плащей/мантий они наблюдают за своим наставником и с возмущенным изумлением видят, что он во все глаза рассматривает женщину. Когда она входит в город, они опускают плащи/мантии и спрашивают: «Как же ты поддался искушению смотреть на эту женщину?» И тот с печалью отвечает им: «Как же нечисто ваше сердце! Вы увидели в ней только предмет искушения, а я увидел в ней чудное творение Божие».

Итак, каждая встреча, будь то с человеком, будь то с Богом, требует не просто специфических условий. Когда мы ищем Бога, она требует любви к человеку, когда мы обращаемся к человеку, она требует любви к Богу. Один русский старец рассказывает в письме, как однажды ему поставили вопрос: «Каким образом работники, которые тебе поручены, работают так усердно и честно, хотя ты за ними не следишь? А наши, за которыми мы следим, все время пытаются нас обмануть?» И его ответ был таков: «Когда я утром прихожу раздать им работу, меня охватывает жалость к ним, — как же они, должно быть, бедны, если оставили свои деревни и семьи ради грошового заработка! И, раздав им задание, я ухожу в келью и молюсь о каждом из них. Я обращаюсь к Богу и говорю:

Господи, посмотри на Николая! Он так молод. Он оставил свою деревню; его молодой жене всего-то девятнадцать лет, он оставил новорожденного ребенка, потому что слишком бедно было дома, он не мог их прокормить. Вспомни его, огради его от дурных мыслей. Подумай о ней и будь ей защитником!.. И так я молюсь (говорит он); но постепенно, по мере того как молитва становится горячее, нарастает чувство близости Божией, и наступает момент, когда оно так сильно, что я уже не могу различить ничего земного. Земля исчезает, остается только Бог. И я забываю Николая, его жену, ребенка, его деревню, его бедность, и меня уносит в глубины Божии. И в этих глубинах я нахожу божественную любовь, и в ней — Николая, его жену, ребенка, их нужды; и любовь Божия, как поток, меня уносит и возвращает на землю, чтобы молиться и молить о них. И то же самое повторяется: нарастает чувство Бога, земля отходит, меня снова уносит в божественные глубины, где я снова нахожу этот мир, который так возлюбил Бог». Встреча с Богом, встреча с человеком возможны лишь в той мере, в какой Бог и человек так любимы, что молящийся может забыть о себе, освободиться от себя; остается лишь его порыв «к» ним, ради них. Это одно из основных свойств заступнической молитвы.

Мне хотелось бы поговорить о встрече еще с некоторых точек зрения и прежде всего подчеркнуть, что эта встреча с Богом и с человеком **опасна**. Не случайно восточное предание дзен называет то место, где мы можем найти Того, Кого ищем, «логовом тигра». Искать встречи с Богом нас побуждает дерзновение, если только этот поиск — не акт глубочайшего смирения. Встреча с Богом всегда — кризис, а по-гречески это слово означает **суд**. Эта встреча происходит в восхищении и смирении; она может случиться в обстановке ужаса и осуждения. Поэтому неудивительно, что православные руководства к молитве очень мало места уделяют вопросам техники и методики; а советы относительно нравственных и духовных условий, делающих молитву возможной, бесчисленны. Вспомним некоторые из них. Во-первых, евангельская заповедь: *если принесешь дар твой к жертвеннику и вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, пойди примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой*. Этой заповеди так четко, так прекрасно вторит святой Симеон Новый Богослов, который говорит нам, что если мы хотим молиться от всего сердца, то должны примириться с Богом, с нашей совестью, с нашим ближним и даже с окружающими нас предметами. Иначе говоря, условие молитвенной

жизни — жизнь по Евангелию, жизнь, при которой евангельские заповеди и заветы станут нашей второй природой. Потому что недостаточно исполнять их, как раб или наемник исполняет волю своего господина; мы должны возжелать их всем сердцем, подобно сынам, детям Царствия, которые искренне желают, чтобы исполнилась их молитва: *да святится Имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя.*

Рассмотрим теперь встречу с Богом на ряде конкретных ситуаций: встреча в смирении, встреча в правде, встреча в отчаянии, встреча среди сумятицы, встреча в жизни, встреча в безмолвии и встреча в богослужении.

Если бы мы помнили, что всякая встреча с Богом, как всякая глубокая встреча с человеком, есть суд и кризис, мы искали бы Бога сердцем более цельным, но гораздо более осмотрительно. Мы не огорчались бы, если эта встреча не происходит немедленно; мы шли бы к Богу трепетным сердцем. Так мы избежали бы многих разочарований, многих бесплодных усилий, потому что Бог не открывается нам, если встреча может оказаться губительной для нас. Порой Он готовит нас к встрече долгим ожиданием. Евангелие дает нам примеры духовного поведения, которым надо следовать. Евангелист Лука представляет нам десять прокаженных, которые ищут исцеления. Они идут ко Христу,

останавливаются на расстоянии, потому что знают о своей нечистоте. И из глубины своего несчастья они взывают к Господу со всей верой, всей надеждой, на которые способны, но не осмеливаются приблизиться к Нему. И Господь ни шагу не делает к ним навстречу, Он просто повелевает им пойти показаться священникам. Он ничего им не обещает, Он посылает их к исцелению. И исцеление им дается в их вере и надежде, в их смиренном послушании. Насколько отличается их послушливое смирение от нашего «смирненного» приближения, которое должно бы совершаться в благоговейном трепете — а так часто бывает полно высокомерия, дерзости!

Вспомним пример апостола Петра, который, прозрев через откровение слова и чудесный лов рыб Божество пришедшего к нему Наставника, упал к Его ногам и воскликнул: «Выйди от меня, Господи, я человек грешный!» Видение святости и славы Божией подвигло его не искать близости, которой он не смог бы вынести; он попросил Господа отойти. Господь Сам захотел остаться.

Мы находим в Евангелии и рассказ о сотнике, который просил Христа исцелить его слугу; и когда Господь сказал: «Приду, исцелю», тот ответил: «Нет, Господи, я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово». Полная вера, совершенное доверие и такое смирение, при виде

которого мы должны были бы устыдиться: ведь мы недостаточно сознаем себя грешниками, недостойными, чтобы просить Господа не утруждать Себя, и в то же время знать, что Он все может для нас сделать.

Однако именно это и есть основное положение: пока мы не перестанем искать осязаемого, ослепительного присутствия Господа, мы устремляемся навстречу собственному осуждению. Если Господь приходит к нам, с какой радостью, с каким смирением должны мы открыться Ему! Но нам не следует дерзновенно искать мистического опыта, когда нам приличествует только покаяние, когда мы должны сначала обратиться, то есть повернуться к Богу. Наша молитва должна начинаться с крика: «Господи, сделай меня тем, кем я должен быть, во что бы то ни стало перемени меня, любой ценой!» И произнеся эти опасные, страшные слова, мы должны быть готовы к тому, что Бог их услышит. А слова эти опасны, потому что любовь Божия беспощадна. Бог хочет нашего спасения со всей непреклонностью, всей решимостью, каких оно стоит. Как говорится в «Пастыре» Ерма, «не оставит тебя Бог, доколе не сокрушит либо сердце твое, либо кости твои».

Второй аспект встречи — встреча в правде. Встреча бывает истинная, только когда оба ее

участника истинны. С такой точки зрения, мы все время вносим искажения в эту встречу. Мы не только сами не умеем быть правдивыми, но и Бога представляем себе в ложном образе. На протяжении дня в различных положениях мы бываем целым рядом личностей, часто неузнаваемых и нам самим, и другим. И когда наступает время молитвы и мы хотим встать перед Богом *в духе и истине*, мы порой теряемся, не зная, какая из них — наша подлинная человеческая личность, потому что не ощущаем нашего глубинного «я». И различные личности, которые мы последовательно ставим перед Богом, не являются подлинными. В каждой есть частица нас самих, но цельности в них нет. И поэтому молитва, которая могла бы с силой вырваться из сердца нашей подлинной личности, не может пробить себе путь среди подставных личин, которые сменяют друг друга перед Богом. Каждая из них что-то произносит, что частично истинно, поскольку отчасти выражает наше существо в целом, и бессмысленно для всех подставных личностей, сменявших друг друга на протяжении дня. Чрезвычайно важно нам научиться находить цельность, основное, глубинное единство нашего существа; иначе мы никогда не встретим Бога в правде. Этого достигают долгим трудом. Мы должны постоянно следить за собой, чтобы ни движением, ни словом, ни внутренним

настроением, несовместимым с цельностью, не разбивать ту основоположную цельность нашей личности, которой ищем. Нам надо отыскать наше подлинное «я» (*сокровенный сердца человек* — 1 Пет. 3: 4), внутреннее сокровенное «я», которое одновременно — зачаток будущего человека и единственная вечная реальность, уже качественно в нас. Поиск этот трудный, потому что различные составные части самих себя нам приходится разыскивать среди множества поставных личностей. Моментами пробивается что-то подлинное; моментами, когда мы забываем о себе, эта глубинная реальность становится конкретной. Это бывает в мгновения, когда радость охватывает нас до такой степени, что мы забываем следить за собой как бы извне; или в мгновения раздирающего душу горя, когда также мы не наблюдаем за тем, как живем, забываем и о тех, кто смотрит на нас, судит нас; в мгновения углубленности, когда нас охватывает чувство трагичности или восхищения. В такие моменты мы улавливаем в себе что-то подлинное. Но едва оно мелькнет, как очень часто — слишком часто! — мы отворачиваемся, не хотим встретиться с ним лицом к лицу: нам страшно, оно нас отталкивает.

И однако, это единственное, что в нас есть подлинного. И Бог может спасти наше подлинное «я», как бы уродливо оно ни было, но Он не может

спасти воображаемую личность, которую мы пытаемся поставить перед Ним или играем целыми днями перед другими людьми и перед самими собой. За пределами этих случайных, мимолетных проявлений нашего подлинного «я», нам надо систематически искать в глубинах, что мы такое перед Богом; искать Бога в себе, искать себя в Нем. Это требует постоянного размышления, изо дня в день, всю жизнь.

Начать можно с простого. Читая Священное Писание, если мы честны, мы признаем, что некоторые места нас мало трогают, не задевают; мы готовы согласиться с Богом, потому что ничто не побуждает нас возражать Ему. Мы готовы принять ту или другую заповедь или действие Божие, потому что они не задевают нас непосредственно, и мы еще не видим, чего они от нас потребуют. Другие места, если говорить откровенно, нас отталкивают. Если бы у нас хватило мужества, мы бы сказали Богу: «Нет!» Эти места надо тщательно отметить. Они позволяют нам измерить расстояние между нами и Богом; но также — и это, вероятно, еще важнее для нашей цели — они позволяют измерить расстояние между нашим теперешним «я» и тем, во что мы могли бы вырасти в конечном итоге. Потому что Евангелие — не перечень формальных заповедей, это ряд внутренних образов. И всякий раз, когда мы говорим

Евангелию «нет», мы отказываемся быть человеком в полном смысле этого слова.

И наконец, есть в Евангелии места, от которых сердце загорается в нас, которые освещают наш ум, подвигают всю нашу волю; они дают жизнь и собранность всему нашему духовному и телесному существу. Эти места указывают, в чем Бог и Его образ в нас уже совпадают, места, где мы уже хотя бы на мгновение, хоть в слабой степени, но являемся тем, чем мы призваны стать в конечном итоге. Эти редкие и драгоценные места надо отмечать еще тщательнее, чем предыдущие. Это — точки, где образ Божий уже проступает в чертах нашего падшего человечества. И начиная с этих проблесков, мы можем стать тем, что заложено в нас как возможность, что понемногу растет в нас, чем (как мы чувствуем) мы хотим и должны быть. Нужно хранить верность этим откровениям, хотя бы в этом мы должны всегда остаться верными. Если мы будем так поступать, этих мест будет становиться все больше, евангельский призыв будет охватывать все большую область в нас, он станет конкретным, все более требовательным, и постепенно из тумана проступит и проявится образ нашей подлинной личности. Тогда мы можем стоять перед Богом в истине. Однако наряду с этой основоположной, сущностной истиной есть и неполная, частичная истина каждого мгновения.

Как часто нашу молитву искажает то, что мы пытаемся стать перед Богом не такие, каковы мы есть, а такие, какими, как мы воображаем, Он хочет нас видеть: мы приходим к Нему, словно ряженные, втиснутые в рамки взятых напрокат отношений. Очень важно, прежде чем мы начнем молиться, дать себе время прийти в себя, оглянуться на себя и осознать, в каком расположении духа мы пришли к Богу. Бывают дни, когда сердце наше открыто Ему и мы могли бы сказать: *Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое... Как лань желает к потокам вод, так желает душа моя к Тебе...* Но очень часто мы плетемся к Нему унылым усилием воли. Мы исполняем долг, не вкладывая сердца; мы принуждаем себя внешне быть тем, чем, как мы знаем, являемся в самых наших глубинах, но чего сейчас не ощущаем; источник живой воды иссяк в песке, который остался сухой и горячий. Мы так и должны сказать Тому, Кто есть Истина: «Господи, я пришел к Тебе сухим сердцем, но я заставляю себя предстать перед Твоим лицом по глубокому убеждению. Я Тебя люблю, я поклоняюсь Тебе в самых моих глубинах, но сегодня эти глубины не выходят на поверхность». Иногда мы обнаруживаем, что стоим перед Богом не из глубины убеждения, а что нас привел перед Его лицо почти суеверный, а не благоговейный страх: если не помолюсь, Бог не защитит... Надо

признаться Богу в этом недоверии, которое ставит под сомнение Его любовь и Его верность. Мало ли в каких еще состояниях мы предстаем перед Богом. Мы должны отдавать себе отчет, что можем молиться Богу изнутри этих состояний, а не поверхностно. Иначе наша молитва не будет содержать даже истины данного мгновения. Она будет от начала до конца предательством как ветхого Адама, так и нового Адама в нас. Она не будет истинна ни по отношению к тому, что в нас есть устойчивого и вечного, ни к состоянию данного момента, в котором мы находимся.

Но встреча зависит не только от того, что один из собеседников истинен; Другой так же важен. Бог, навстречу Которому мы идем, должен быть столь же истинен, как ищущий Его человек. Вы скажете, что Бог всегда истинен, всегда является Самим Собой, Он неизменен. Да, разумеется; но нашу молитву определяет не только Бог, Каков Он есть, но еще в большей степени тот образ Божий, который мы создаем себе, потому что наше отношение к Нему зависит не только от того, чем Он является на самом деле, но от того, каким мы Его представляем. Если мы предстаем перед ложным образом Бога, мы будем приспособливать свою молитву и свое внутреннее отношение к этому образу, а не к искаженной им Реальности. Так что очень важно на протяжении всей жизни, изо дня в

день, учиться познавать Бога, какой Он есть; не в Его частичных проявлениях, когда мы представляем Его то неумолимым Судией, то благостным Спасителем, а во всей многогранности Его личности. Следует также быть осторожным и не вообразить, будто вся полнота человеческого знания о Боге может составить подлинный образ Живого Бога. Бог, даже открываясь в Священном Писании, не открывается окончательно и полно; и если мы пытаемся стать перед образом Божиим, составленным из всего того, что знаем из откровения, из опыта Церкви, из собственного опыта, нам грозит опасность поставить перед собой образ, который ложен, потому что претендует на полноту, а на самом деле является лишь жалким приближением, и из-за этого, по слову святого Григория Богослова, становится идолом. Вот почему Отцы Восточной Церкви постоянно настаивают на том, что необходимо подходить к Богу, ничего не воображая, не представляя. Все, что мы знаем о Боге, должно нас привести к Нему; но в тот миг, когда мы встаем перед ним, мы должны отбросить все наше знание, как бы оно ни было богато и верно, и стоять перед Богом неведомым, перед тайной, перед Божественным мраком, перед Его светом, готовые встретить Бога таким, каким Он захочет явить нам Себя сегодня. Иначе перед нами окажется вчерашний Бог, то есть наш

собственный опыт Бога, а не истинный Бог; тогда как цель нашего искания — подлинный Бог, единственный наш Собеседник в подлинной молитве. Эта встреча в истине с самого начала исключает возможность построить искусственное присутствие, потому что мы ищем не плодов этой встречи: радости, переживаний, внутреннего волнения, а самой встречи.

В этом же контексте встречи в правде следует признать, что Бог может отсутствовать. Разумеется, это отсутствие субъективное, в том смысле, что Бог всегда присутствует. Но Он остается невидим, неосязаем, Он ускользает от нас. Здесь нам должно помочь то, что уже было сказано о встрече во смирении: когда Бог не дается, когда Его присутствие неосязаемо, мы должны уметь ждать в трепете и благоговении. Но в этом субъективном отсутствии Бога есть и другая сторона. Отношения бывают истинны, только если строятся во взаимной свободе. Мы слишком склонны воображать, будто достаточно нам стать на молитву — и Бог обязан предстать перед нами, обратить на нас внимание, дать нам ощутить Свое присутствие, дать нам уверенность, что слышит нас. В таком случае отношения были бы принудительные, словно механическая связь, из них были бы исключены радость и непосредственность. Это позволило бы также предположить, что мы в любой момент

способны встретить Бога. Альфонс де Шатобриан в замечательной книге о молитве «Ответ Господа» говорит, что кажущееся отсутствие Бога чаще всего — следствие нашей собственной слепоты. Я хотел бы проиллюстрировать его слова примером.

Как-то пришел ко мне человек, который уже много лет искал Бога, и со слезами сказал мне: «Отец Антоний, я не могу жить без Бога. Покажите мне Бога!» Я ему ответил, что не могу этого сделать, но если бы и мог, думаю, он сам был бы неспособен Его видеть. Он с удивлением спросил меня: почему? Тогда я поставил ему вопрос, который я часто ставлю приходящим ко мне людям: «Есть ли в Священном Писании какое-нибудь место, которое вас волнует до глубины сердца, которое вам дороже всего?» — «Да, — ответил он: это рассказ о грешнице в восьмой главе Евангелия от Иоанна». Тогда я спросил: «Кем вы видите себя в этой сцене? Женщиной, которая вдруг осознала свой грех и стоит перед судом, зная, что над ней висит суд жизни или смерти? Или вы заодно со все понимающим Христом, Который ее простит, чтобы она жила дальше, теперь уже новой жизнью? Ожидаете ли вы Его ответа с надеждой на прощение, как, вероятно, ждали апостолы? Или вы в толпе, один из старейших, кто, сознавая собственные грехи, уйдет среди первых; или вы один из молодых людей, кто постепенно осознает

свою греховность и выпускает камень, уже зажатый в руке? Где вы, кто вы в этой прекрасной, волнующей сцене?» После минутного раздумья этот человек ответил: «Я себя вижу как единственного еврея, который не ушел и побил камнями эту женщину». Я ему тогда сказал: «Вот и ответ: вы не можете увидеть Бога, Которому вы до такой степени чужды».

Нет ли чего-то подобного в опыте каждого из нас? Нет ли в каждом из нас сопротивления, отказа, отрицания Бога? Не ищем ли мы Бога по собственному образу, подходящего нам Бога? Не отвергнем ли мы истинного Бога, если найдем Его? Готовы ли мы к встрече с Богом, Каков бы Он ни был, даже если эта встреча нас осудит и перевернет все наши ценности? Не является ли часто отсутствие Бога в нашей жизни и в нашей молитве результатом того, что мы Ему чужды, и даже встретившись с Ним лицом к лицу, не видим Его, не узнаём? Разве не это случилось в то время, когда Христос проходил по дорогам Иудеи и Галилеи? Сколько Его современников встретили Его и пошли мимо, совершенно не узнав, не заподозрив, что Он не просто прохожий? Не таким ли Его видели толпы, которые спешили на Голгофу, когда Его вели на казнь? Он преступник, нарушитель общественного порядка, ничего больше. Не таким ли мы видим Бога, даже в те моменты, когда мы

более чутки и способны уловить, ощутить Его присутствие? Не отворачиваемся ли мы от Него, потому что предчувствуем, что Он разрушит строй нашей жизни, перевернет все ее ценности? В таком случае мы не можем рассчитывать на встречу с Ним в молитве. Скажу больше: мы должны благодарить Бога от всего сердца за то, что Он не предстает перед нами в этот миг, потому что мы сомневаемся в Нем, но не так, как Иов, мы сомневаемся сомнением неразумного разбойника на Голгофе; и встреча с Ним была бы нам судом и осуждением. Мы должны уметь оценить это отсутствие Божие и осудить себя, чтобы Он не осудил нас.

Другой аспект такого «отсутствия» может быть прояснен следующим рассказом. Несколько лет назад молодая женщина, которую поразила неисцельная болезнь, написала мне: «Я так благодарна Богу за эту болезнь! По мере того как мое тело слабеет, мне кажется, что оно становится все доступнее воздействию Божию», Я ей ответил: «Благодарите Бога за то, что Он вам дает, но не надейтесь, что такое состояние будет продолжительно; придет момент, когда это естественное истощание перестанет вести вас к все большей прозрачности; тогда вам придется полагаться только на милость Божию». /благодарить?/ Через несколько месяцев она написала мне снова: «Я так слаба, что не могу устремляться к Богу.

Единственное, что мне доступно — пребывать в безмолвии, предаться отчаянной надежде, что Бог Сам придет ко мне». И она добавила — и эти-то ее слова и относятся к нашей теме: «Молите Бога, чтобы Он дал мне мужество никогда не попытаться построить Его мнимое присутствие, чтобы заполнить ужасающую пустоту Его отсутствия».

Думаю, эти два рассказа не нуждаются в пояснениях. Мы должны положиться только на Бога. Важно, чтобы мы не рассчитывали ни на свои силы, ни на свою слабость. Встреча с Богом — свободный акт, где Бог самовластен; и лишь когда смирение, то есть полная, предельная отданность, соединится в нашем сердце с начатком любви к Богу, мы становимся способными перенести Его отсутствие и даже обогатиться благодаря ему.

Я употребил выражение «отчаянная надежда». Это еще одна возможность встретиться с Богом. Примеры этого мы видим в Евангелии и в житиях святых. В десятой главе Евангелия от Марка мы находим рассказ о слепом Вартимее, сидевшем у ворот Иерихона, и в этом рассказе о его исцелении есть ряд моментов, существенных для понимания молитвы. Мы слишком часто удивляемся, что молитва наша не услышана. Нам кажется, что достаточно нам произнести ее — и Бог обязан сразу обратить на нее внимание. На деле, если мы строго рассмотрим, что побудило нас к молитве, чего мы

требуем, мы увидим, что не всегда просим необходимого, что часто просим излишнего. Легкость, с какой мы оставляем молитву, когда не бываем услышаны тотчас же, доказывает, что даже когда мы просим у Бога того, без чего не можем жить, у нас недостает терпения, постоянства, настойчивости; и в конечном итоге мы предпочитаем жить без необходимого, чем отчаянно бороться за него. Один из Отцов Церкви говорит, что молитва подобна стреле. Она, конечно, может лететь, достичь цели и поразить ее. Но полетит она, только если сильная рука пошлет ее к цели из лука. Она попадет в самую цель, только если зрение стрелка остро и напряжено. А нашей молитве чаще всего недостает именно бодрости духа, напряжения, чувства отчаянной, абсолютно трагичной нужды, в какой мы находимся и откуда должны выбраться во что бы то ни стало, любой ценой.

Вартимей слеп. Мы не знаем, постепенно ли погас свет в его очах, постепенно ли для него погрузился в мрак привычный, столь любимый мир, или он родился слепым. Одно ясно: взрослый человек сидит в придорожной пыли и просит подаяния. Сколько за свою жизнь, за все ее годы, этот человек делал отчаянные усилия вернуть себе зрение! Сколько раз он обращался к врачам, священникам, целителям, просил молитв и помощи

всех тех, кто, по его мнению, мог ему помочь. Сколько раз зарождалась надежда — на человека, на разум, на опыт, но также на любовь и сострадание, на человеческую отзывчивость и братство, и, еще не раскрывшись до конца, гасла. И теперь мы видим его на обочине, у ворот города, сломленного жизнью; он больше не пытается обрести зрение, лишь выжить благодаря безразличному милосердию прохожих. Его надежда — не /на/ пламенное, полное любви милосердие, а холодная милостыня, подаваемая без сострадания, — мимоходом брошенная монета, которая накормит голодного, хотя сам он так и останется безымянным, едва замеченным. А прохожий так же слеп, как нищий у дороги, и его слепота, возможно, еще страшнее, потому что это слепота сердца, слепота совести: человеку чуждо братство людей. Но дело происходит во времена Христа. Слепец, должно быть, слышал о человеке, появившемся в Галилее, который проходит теперь дорогами Иудеи и всей Палестины, творя чудеса. Говорят, этот человек исцелял и слепых, даже слепорожденного.

Не возродило ли это недоступное присутствие Бога, Который обладает целительной силой, и надежду и отчаяние? Надежду — потому что Богу все возможно, а отчаяние — потому что сам слепец ничего не может. Если бы Бог пришел к нему, он

мог бы исцелить. Но как слепому найти на дорогах Галилеи или Иудеи этого неуловимого Чудотворца, Который постоянно странствует, появляется и сразу исчезает? Это приближение Бога к нам, от которого рождается последняя надежда и глубочайшее отчаяние, известно на опыте не только Вартимуею. Мы постоянно оказываемся в этой ситуации. Присутствие Божие, словно меч, отделяет свет от тьмы, но так часто отбрасывает нас в потемки, которые кажутся еще темнее, гуще, потому что нас ослепил проблеск Божественного Присутствия. Бог рядом, вечная жизнь возможна — и именно поэтому мы с таким отчаянием воспринимаем перспективу прозябать и дальше временной, преходящей жизнью.

Однажды Вартимей, сидя у дороги, слышит, как мимо идет толпа. Его обостренный слух уловил что-то необычное в шагах проходящих, в их разговорах, во всей атмосфере этой толпы. Это не просто крикливая толпа, шумное, беспорядочное шествие; в ее центре кто-то... Он спрашивает у одного из прохожих: «Кто это?» И ему отвечают: «Иисус из Назарета». И в этот миг все отчаяние целой жизни и вся безумная надежда его души оживают с новой силой: все душевные силы в нем достигают высшего напряжения. Он — в глубочайшем мраке и в ослепительном свете. Он может быть исцелен, потому что Бог проходит

мимо. Но нужно не упустить миг, мгновение; Иисус будет рядом всего несколько шагов. Сейчас Он будет проходить, погруженный в беседу с кем-то другим. Через миг Он удалится, пройдет мимо навсегда. И Вартимей кричит в отчаянной надежде: «Иисус, Сын Давидов, помилуй меня!» Это уже исповедание веры. Должно быть, оно глубоко продумано за прошедшие месяцы, когда слепой переживал воображением все рассказы об исцелениях, совершенным Господом. Для него Иисус не просто странствующий пророк, Он — Сын Давидов. Так называет Его слепой, обращаясь со своей мольбой; и вокруг раздаются голоса, приказывающие ему замолчать: как он смеет прерывать беседу Учителя с учениками? Как он дерзнул обратиться с такой низкой, мелкой нуждой к Тому, Кто говорит о небесном? Но он-то знает, что вся его жизнь, радость и отчаяние целой жизни — в его слепоте и в возможности исцеления. И он взывает, и чем сильнее его заставляют молчать, тем отчаяннее он кричит. И Господь его призывает, Бог его исцеляет и открывает перед ним новую жизнь; он услышан потому именно, что молит и просит о том единственном, что для него имеет абсолютное значение.

Какой богатый урок для нас! Мы должны очень серьезно подходить к молитве, если хотим, чтобы она была в уровень нашего человеческого

призвания и достойна Того, Кто в Своем смирении готов нас выслушать. Отчаяние, голод по Богу, крайняя нужда в том, чего мы просим: вот условия, чтобы стрела нашей молитвы была пущена из натянутого лука сильной рукой и метким глазом.

В этом рассказе есть особенность, на которой я хотел бы остановиться — это окружающая молитву сумятица. Встреча Вартимея с Богом произошла при двойном смятении: внутреннем смятении борющихся в нем противоположных чувств — надежды и отчаяния, страха и порыва; и внешней сумятице голосов, которые приказывали ему замолкнуть, потому что Господь занят вещами более достойными Его величия и святости. И не только Вартимей встречает Господа среди шума и суеты. Вся наша жизнь — непрерывное волнение, череда ситуаций, которые требуют нашего участия, череда чувств, мыслей, движений сердца и воли, то согласных, то противоборствующих, то сливающихся, то расходящихся; и в этом внутреннем и внешнем смятении наша душа тянется к Господу, зовет его, в Нем ищет себе успокоения. И мы так часто воображаем, что было бы легко молиться, если бы нам ничто не мешало, а между тем самое это смятение может стать опорой нашей молитве.

Но как молиться среди смятения? Я хотел бы дать несколько примеров, которые помогут нам

понять глубинную возможность этого; я бы даже сказал: преимущество такого смятения, которое, как неровности в скале, помогает нам восходить к вершине, когда мы неспособны взлететь. Первый рассказ взят из житий святых. Некий отшельник встречается в горах другого подвижника молитвы. Завязывается беседа, в ходе которой посетитель, пораженный молитвенным состоянием своего собеседника, спрашивает: «Отче, кто тебя научил непрестанной молитве?» И тот, прозрев в нем духовно опытного человека, отвечает: «Не каждому я бы так ответил, но тебе скажу истину: бесы научили». Пустынник говорит ему: «Я думаю, что понимаю тебя, отче, но можешь ли пояснить подробнее, как это было, чтобы я знал, что не ошибся». И тот рассказал следующее. «Когда я был молод, я был неграмотный, жил в деревне. Однажды в храме я услышал, как дьякон читает Послание апостола Павла, где дается заповедь *непрестанно молиться*. Эти слова озарили меня радостью и светом; по окончании службы я с ликующим сердцем оставил деревню и ушел в горы, чтобы жить одной молитвой. В таком состоянии я провел несколько часов. Потом стало смеркаться, холодать, стали раздаваться вокруг меня пугающие звуки: шаги, вой зверей; чьи-то глаза засверкали, хищные звери стали выходить из своих логовищ в поисках пищи себе от Бога. На

меня напал страх; он все возрастал по мере того, как темнота сгущалась. Вся ночь прошла в ужасе от шорохов в лесу, теней, сверканья глаз, чувства собственного бессилия и сознания, что неизвестно где искать помощи. И я начал взывать к Богу единственными словами, которые родились из трагичности моего положения, из охватившего меня ужаса: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного!*

Так прошла первая ночь. Утром страхи немного рассеялись, но меня начал терзать голод; я искал себе пищи в кустах и на полянах, и едва мог его утолить. А когда день стал клониться к вечеру, и я почувствовал, что ночные ужасы снова окружают меня, я стал взывать к Богу в страхе и надежде. Так прошли дни, месяцы. Постепенно я привык к окружающим меня природным опасностям; но по мере того как я продолжал борьбу за непрестанную молитву, появились новые искушения и испытания. Бесы, страсти начала нападать на меня со всех сторон; и когда ночные хищники перестали быть источником ужаса для меня, темные силы ополчились на мою душу. И еще сильнее я кричал к Богу те слова, которые вырвались из моего сердца в первый миг ужаса: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного!* Эта борьба продолжалась годами. Однажды я дошел до предела своих сил. Я

непрестанно вызвал к Богу из глубины своего отчаяния и тоски и не получал ответа; и мне представилось, что Бог неумолим. И в момент, когда последняя ниточка надежды оборвалась в моей душе, когда я сдался и сказал Богу: «Ты молчишь, Ты безразличен к тому, что происходит со мной, но Ты мой Бог и Господь, и я умру на месте, скорее чем перестану искать Тебя» — внезапно Господь явился мне, и покой сошел не только на мою душу, но на все, что меня окружало. Прежде все казалось мне покрытым тьмой, теперь я все видел в божественном свете, в блистании благодати Присутствия Божия. И тогда в порыве любви и благодарности я воззвал к Богу единственной молитвой, которая выражала все мои чувства: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного!* И с тех пор в радости и тоске, в искушении и борьбе, или в момент, когда сходит на меня покой, эти слова непрестанно рождаются в моем сердце. Они — песнь ликования, они и призыв к Богу, они и мой покаянный вопль».

Этот пример безвестного подвижника нам показывает, как подлинная тоска, реальное отчаяние, смятение, когда мы боремся с ним, естественно рождает в нас молитву; и тогда молитва — отчаянный крик, который рождается из надежды более сильной, чем отчаяние, который питается отчаянием и его преодолевает.

Часто нам окружает волнение гораздо менее трагичное, чем то, что пережил этот молодой подвижник, но мы поддаемся ему, впускаем его в себя, и в этом наше поражение. Наша молитва непрочна, колеблется, потому что сама пронизана смятением, неуверенностью, ей недостает постоянства. Не это ли мы находим в евангельском рассказе о буре на море Галилейском? Господь с учениками на море. На середине плавания их застигает буря. Смерть реет вокруг них, воды разверзаются, готовые поглотить лодку, ветер их бьет. Они изо всех сил борются за спасение жизни, а Господь в это время спит на корме лодки, подложив что-то под голову, спокойным (как им кажется) сном. И ученики не могут перенести этого покоя, будто бы безразличия Божия, и из глубины своей отчаянной нужды оборачиваются ко Христу, будят Его; они хотят принудить Его осознать, что происходит: «Господи, не видишь ли, что мы гибнем?» Чего же они на самом деле добиваются? Обращаются ли они к Господу, чтобы Он успокоил бурю? И да и нет. В первую очередь им хочется, чтобы Господь разделил их ужас, непосильное им внутреннее смятение. Им кажется, что Господь им не поможет, если Сам не будет вовлечен в это бореие. И Господь поднимается, Он отказывается поддаться смятению их мыслей, их сердец, Он отказывается впустить в Себя внешнюю бурю. Он

поднимается в свойственном Ему невозмутимом покое. К ученикам Он оборачивается с упреком: «Маловеры! Сколько Мне быть с вами...» И, повернувшись к буре, Он проливает на нее Свой собственный внутренний покой. Он приказывает волнам успокоиться, ветру утихнуть, и Его внутренний покой покрывает все, что Его окружает. Все успокаивается, и ученики припадают к Его ногам: кто Он?.. Они все еще в сомнениях.

Часто мы совершаем эту же ошибку: вместо того, чтобы искать божественного покоя, мы просим Бога разделить наше смятение. Конечно, Он входит в него, но со Своим покоем. Такое смятение, большое или малое, дисгармонию, разлад, расстройство мы постоянно находим в нашей внутренней и внешней жизни; она состоит из событий, которые мы не умеем понять, и из человеческих действий, которые сами лишены стройности. Это и есть основная проблема: связь, которую мы должны установить между суетой жизни и внутренней молитвой, между смятением и покоем. С самого начала мы должны отдавать себе отчет в том, что при каждом столкновении внутреннего покоя с яростным натиском жизни победа заранее принадлежит смятению, потому что молитва наша хрупка, а жизнь жестка. Жизнь беспощадна, она ни перед чем не останавливается, а наша молитва, внутренняя устойчивость, покой,

молчание, весь внутренний мир, который принадлежит Богу, уязвим и хрупок. Если мы хотим, чтобы он устоял, если хотим, чтобы он пронизал жизнь и победил ее, то этого следует достигать не открытым противостоянием и борьбой; покой должен охватывать наш земной мир, как вода проникает в почву и размывает ее. Святые Отцы говорят, что вода — образ смирения: она уходит в глубину, но она же неодолима. Когда она достигает самых глубин, куда ее влекло, и начинает подниматься, никто не может ее остановить. То же самое должно произойти с нашей молитвой.

Молиться в течение целого дня трудно. Иногда мы пытаемся себе это представить; и тогда мы думаем либо о богослужебном строе монастыря, где ведут созерцательный образ жизни, либо о молитвенной жизни отшельника. Мы мало задумываемся о такой молитвенности, которая тесно связана с жизнью, где все становится молитвой, все — повод для молитвы. А ведь осуществить такую молитву очень легко. Но она крайне требовательна, и нам следует быть очень осторожными, чтобы не перенапрячь свои силы. Встанем утром и поставим себя перед Богом; мы пробудились от сна, который отделяет нас от нашего прошлого; пробуждение ставит нас перед новой реальностью, перед днем, которого никогда в

истории не было, перед неведомым еще временем и пространством, которые простираются перед нами, словно снежная равнина, еще не запятнанная ничьими следами. Попросим у Бога, чтобы Он благословил этот день и наш путь в нем. И потом станем относиться серьезно и к собственной просьбе и к полученному нами безмолвному ответу. Бог благословил нас, Его благословение будет с нами неотлучно во всех обстоятельствах, какие могут принять это благословение; мы лишимся его только в те моменты, когда сами отвернемся от Бога; хотя и тогда Бог останется с нами, оберегая нас, готовый прийти на помощь, готовый вернуть нам благодать, которую мы презрели, стремясь поступать по-своему. Нам дано *все оружие Божие*, как говорит апостол Павел в шестой главе Послания к ефесянам. Вера, надежда, любовь — вот наше оружие; и в то же время — призыв к нам. Мы вступаем в этот день в благодати и славе, с Крестом Господним, нося в себе *мертвость Христову* (2 Кор. 4: 10).

Но этот день благословлен Богом. Разве это не означает, что все, что произойдет за этот день, все, что с нами случится, будет по воле Божией, содержится в этой воле? Верить в случай, верить в удачу означает неверие Богу. Если все, что бы ни случилось, кто бы нам ни встретился, мы примем в таком расположении духа, мы увидим, что в

каждом случае призваны поступить по-христиански. Всякая встреча происходит в Боге и у Него на глазах. Мы посланы к каждому, кто встретится на нашем пути, чтобы либо что-то дать, либо что-то принять, порой не сознавая того. Иногда — в счастливом изумлении, что даем то, чем сами не обладаем, порой — в напряженном усилии, вплоть до пролития крови. Однако надо уметь и принимать. Для этого надо уметь встречать ближнего, как мы пытались определить встречу в начале: уметь видеть, уметь слышать, внимать в молчании, уметь любить и отвечать от всей души на то, что нам предлагается — будь то горечь или радость, трагичный или чудесный дар. Мы должны быть уязвимы до предела естественных сил и до конца гибки в руке Божией. События нашей жизни, если мы их примем как дар Божий, предоставят нам в каждый миг возможность творческого делания: быть христианином.

Христиане слишком привыкли, как только встает проблема, как только возникает опасность, обращаться к Богу с криком: «Господи, заступи, спаси, защити меня!» Как часто, вероятно, Господь глядит на нас с грустью и неслышно отвечает нам на том языке, который мог бы коснуться нашего сердца, если бы оно не было так озабочено собственным страхом: «Я же **тебя** послал в эту ситуацию, **ты** должен сражаться за Меня; разве ты

не принадлежишь войску, авангарду Царства Небесного, которое Я послал на землю? Не сказал ли Я Своим ученикам: *Как Меня послал Отец, так Я посылаю вас* — жить и умирать? Неужели вы забыли пример и заветы апостолов?» **Мы** должны быть присутствием Христовым на земле, то победоносным, то распинаемым, всегда отдающимся, никогда не стремящимся избежать этого пути. В силе Христовой все нам возможно, но пролить кровь должны мы сами; **мы** должны трудиться и действовать, а не Он должен снова проходить весь крестный путь. Не в этом ли смысл диалога Христа с Петром, который встречает Его у ворот Рима, откуда уходит, чтобы избежать гонения: «Куда идешь, Господи? *Quo vadis, Domine?*» — «Иду в Рим пострадать вместо тебя...» Наше призвание — быть там, где мы нужны, а не укрываться в безопасном месте. На протяжении дня, начатого во имя Божие, мы не раз будем задаваться вопросом о его содержании, значении различных его событий. Мы должны суметь размышлять в безмолвии, вдумываться в канву событий, в которых не умеем разобраться до конца — пока вдруг не увидим в них руку Божию. Наша ошибка почти всегда в том, что мы думаем, будто человеческая мудрость, подкрепленная назойливо-просительной молитвой, позволит нам разрешать проблемы вечности. Потому что все,

вплоть до самой незначительной детали, как бы является частью вечности, становления мира, частью которого мы являемся. На самом деле человеческая мудрость должна уступить место способности вглядываться, погружаться взором в стоящую перед нами тайну, пытаться различить незримый след Божий, Его премудрость, столь отличную от людской умудренности; божественную мудрость, живущую в сердце человека. Мы должны научиться в сумятице жизни быть местом покоя, устойчивости, должны уметь дождаться момента, когда вдруг до нас дойдет понимание. Английская писательница Эвелин Андерхилл сравнивает совершенного христианина с собакой пастуха, с овчаркой. Овчарка, — говорит она, — как только слышит голос хозяина, замирает на месте, смотрит ему в глаза, прикикает к его взгляду и голосу, чтобы угадать его волю. Затем, как только она поняла, без малейшего колебания она бросается исполнять волю своего хозяина. И (добавляет Э. Андерхилл) у нее есть свойство, редкое среди христиан: она без устали виляет хвостом.

Мы должны уметь путем созерцательного молчания, в молитвенном ожидании различить в основе нашей жизни, в ее сумятице, ее видимом беспорядке — Божий замысел. Мы должны научиться в молитве же находить мужество, силу,

вдохновение и необходимое руководство. Так весь день станет непрестанной молитвой. Но это — идеальное состояние, в которое мы не можем вступить сразу, потому что не привыкли к молитве, к постоянному вниманию, мы не умеем сохранять трезвение среди окружающей нас жизни, которая пронизывает нас, вливается в нас. Мы должны вступать на этот путь постепенно, начиная с нескольких часов, иногда и того короче, потому что если будем принуждать себя слишком долго и напряжено сосредотачивать свое внимание, наступит момент, когда наши силы истощатся; это не значит, что благодать привела нас к ошибкам, а что человеческий инструмент еще слишком хрупок. Тогда нас отхватит отвращение, усталость от молитвы; самые живые слова станут пеплом у нас на устах/ засохнут/ окажутся сухим песком, нам будет казаться, что этот день мы живем не в Боге и не для Бога. В такие моменты, когда мы раздавлены, потому что жили не в свою меру, надо уметь смиренно признать свое поражение, признать, что мы не доросли до того, чтобы жить в постоянном Присутствии Божиим. Тогда следует уметь проявить духовное воздержание и ограничить свои молитвенные порывы, особенно словесное их выражение; надо знать, что, раз испросив Божие благословение на этот день и стараясь жить нерассеянно, без суеты, мы пребудем в том

состоянии молитвенности, о котором говорилось выше. А затем постепенное, внимательное воспитание нашего сердца и ума позволит нам проводить целые дни не только в этой молитве для начинающих, уже сплетшейся с жизнью, но еще не имеющей силы ее преобразить, но и в молитве гораздо более осознанной, более глубокой, о которой мы еще поговорим.

Все это приводит нас к проблеме, которую трудно разрешить начинающим: о роли усилия, месте подвига, трудничества в молитвенной встрече. Легко молиться в восторге, легко молиться в тоске; гораздо труднее молиться в обычные, тусклые дни, когда к этому нет ни внешнего, ни внутреннего побуждения. Тогда надо уметь принуждать себя к молитве. Почему? Потому что наша молитвенная жизнь должна быть выражением не только наших непосредственных чувств, но и наших постоянных, прочных, неотъемлемых убеждений. Это относится ко всем нашим душевным состояниям. Бывают моменты, когда, обессилив от усталости, мы неспособны ощущать глубоко привязанность к самым любимым нами людям; если бы нас о ней спросили, мы могли бы с уверенностью ответить, что она есть, но слишком далеко ушла в глубины, мы ее не ощущаем, а усталость — вот она, одолевает. Чувство есть, но порой жизненный напор, сила, способность